

Рецензия

на научный доклад об основных результатах подготовленной квалификационной работы В.Ю. Александрович «Белорусская диаспора в Приенисейском крае»

Тема исследования В.Ю. Александрович органически вписывается в проблематику межэтнических отношений, которая, вероятно, никогда не утратит своей актуальности. Автор рассматривает историю формирования компактных поселений этнических белорусов на территории Приенисейского края на большом историческом отрезке от XVII в. до XXI в..

Александрович формулирует свою тему как «историю белорусской диаспоры в Приенисейском крае», а предмет исследования как «историю появления и расселения в указанном регионе выходцев с территории Западных губерний (Западного края) России, на пространстве которого сложилась белорусская нация, их жизнедеятельность и вклад в историю Енисейской губернии, Красноярского края» (с. 17). Целью ставит «изучение истории белорусской диаспоры Красноярского края (то есть период с XVII в. до конца 10-х годов XXI в.)» (с. 17).

Расхождение в определениях свидетельствуют о том, что, во-первых, у автора отсутствует понимание логической связи между предметом и целью научного исследования. Тема и цель исследования не могут расходиться с предметом. Получается, что предметом исследования у нее является миграции белорусов XVII–XXI вв. в Приенисейский край, а целью изучения – белорусская диаспора. Однако это совершенно разные вещи, хотя, конечно, и связанные между собой. Если автор изучает миграционные процессы, то это ставит перед ним одни цели и задачи, например: динамика переселенческого движения, численность переселенцев, их демографический, социальный, конфессиональный и гендерный состав, места расселения и т.д. А если целью изучения является белорусская диаспора, должны быть определены другие задачи: этапы ее

формирования, структура, принципы функционирования, отношение с иноэтничным населением, местной властью и т.д.

Во-вторых, В.Ю. Александрович весьма смутно представляет себе этническое происхождение и историю белорусов. Ни в вводной части, ни в главах автор не дает четких определений, кого она относит к белорусам. Везде использованы понятия «Белоруссия», «белорусы», имея в виду территорию и население подвинско-поднепровских земель, которые в разное время входили в состав Речи Посполитой, Российской империи, СССР и республики Беларусь. Однако этническая идентичность этого населения вызывала и продолжает вызывать спорные оценки в научной литературе.

Этноним «белорус» закрепился только к концу XIX в. Между тем Александрович уверенно называет выходцев из этих земель белорусами, начиная с XVII в., аргументируя это тем, что эти земли современные исследователи называют Беларусью (с. 23). Еще раз повторим, что не все исследователи столь единодушны в этом, а работа Александрович не отражает сложности этого вопроса. Известно, что белорусами некоторые исследователи (например, представители такой влиятельной научной школы, как западноруссизм) называли и жителей Смоленской и Псковской земель. А это значит, что серьезных этнических различий между русскими и белорусами они не видели и не считали последних самостоятельным этносом. Только земли Ковенской губернии они считали жмудскими, т.е. литовскими. А земли Минской, Виленской, Витебской, Могилёвской, вместе со Смоленской и Псковской считали Западной Россией.

Даже в XX в. крестьяне этих местностей называли себя русскими, если они были православными, и поляками или литвинами, если были католиками. Но чаще всего те и другие называли себя «тутэйшій», т.е. местный. Это означает, что белорусский этнос как нечто самостоятельное не сложился даже к 1917 г. Не случайно первая официальная кодификация белорусского языка, более известная как «Тарашкевица», была принята только в 1918 г. И только в 1920-е гг., когда большевики стали проводить политику национальной коренизации местного

населения, как в Белоруссии, так и в Сибири, население стало записываться в официальных документах как белорусы. То есть людям, которые до этого осознавали себя русскими объясняли, что они белорусы. Сама же В.Ю. Александрович приводит факт, что 86,3 % из переселенцев в Енисейскую губернию по переписи 1926 г. не признали своим родным языком белорусский. А ведь это было во времена, когда властями усиленно проводилась политика национальной коренизации.

На этом фоне странно выглядят сожаления автора, что эту «черту поведения (т.е. индифферентность к своей этнической идентичности – О.Д.) в инонациональной среде белорусы, независимо от места проживания, не преодолели до сих пор» (с.75). За что она их осуждает – за то, что сознают себя русскими, а не белорусами? Ведь это и есть показатель того, что самосознание белорусского этноса, как важнейший признак его идентичности, находится в крайне низкой точке.

Скажем больше, по данным последней переписи, проведенной в Белоруссии в 2009 г., только 6 % населения республики постоянно употребляют белорусский язык, не пользуются им вообще – 21 %, постоянно употребляют русский – 74 %. Наконец показательный факт – в Белорусском государственном педагогическом университете за последние годы были закрыты 4 из 6 специальностей белорусской филологии за отсутствием набора на них. В 2014 г. социологическая лаборатория «Новак» по заказу «Союза Белорусских писателей» провела исследование, установив, что 99,4 % респондентов читают художественную литературу на русском языке. Предпочитают литературу на русском языке 93,7 % опрошенных и только 5 % предпочитают литературу на белорусском языке (Белоруссия в 2014 году: политические итоги <https://regnum.ru/news/polit/1883619.html>). И это на современном этапе, когда Белоруссия является суверенным государством, а ее власти проводят активную политику по формированию национального самосознания. Тогда, что говорить о неграмотных крестьянах XIX – начала XX в. из Минской, Могилевской или Витебской губернии, которые никак не понимали, что они отдельный от русских

крестьян Енисейской губернии народ. Селились прямо в русских деревнях, женились на сибирячках, или на русских женщинах из других губерний коренной России. А через несколько лет считали себя «тутэйшіми», то есть сибиряками.

В.Ю. Александрович делает грубейшую ошибку, считая всех мигрантов из западно-российских губерний белорусами. Ведь население этих земель было полиэтничным. Там проживали кроме этнических белорусов, русские, поляки, евреи, татары. И не факт, что среди переселенцев из этих земель, приезжавших в Енисейскую губернию, были только белорусы. Чтобы установить реальную долю белорусов среди переселенцев, необходимо проводить специальное исследование, чего Александрович не сделала, оперируя только общими цифрами численности мигрантов из западнорусских губерний, заимствованными из монографии В.А. Степынина. Удивляет тот факт, во второй главе, посвященной переселенческому движению, автор не дает ни одной таблицы, в которой бы отражалась динамика переселенческого движения из западных земель. Приведены лишь разрозненные данные по отдельным семьям, прибывшим из той или другой губернии, по которым невозможно оценить интенсивность переселенческого движения, этнический, социальный, демографический, гендерный состав переселенцев.

Абсолютно не раскрыта такая важная тема как положение переселенцев. В силу того, что не проработан необходимый комплекс источников по этой теме, в складывается не просто неполная картина, а даже не совсем верная. Например, утверждается со ссылкой на известного дореволюционного исследователя А. Кауфмана, что положение переселенцев в Сибири улучшилось по сравнению с тем, что было на прежнем месте. Но, во-первых, Кауфман имел в виду переселенцев XIX в., а не начала XX в. А во-вторых, Александрович не приводит ни одного факта, характеризующего их положение до переселения и после, к каким группам они относились до переселения и после: к бедным, средним, зажиточным. Она вообще даже не ставит проблему социальной стратификации переселенцев, видимо, не считая это важным. Нет анализа хозяйственного состояния переселенцев на местах водворения. В-третьих, это явно противоречит

факту, который приводит автор, что 45,8 % переселенцев возвратились на родину из Сибири (с.46). Понятно, что возвращались они не от хорошей жизни.

Особо следует сказать о методике работы с источниками. Автор выдергивает факты из них, совершенно не считаясь со временем и местом происхождения источника, его авторством. Используются глухие ссылки на архивные фонды, из которых неясно к какому времени и месту относится данный факт, а также трудно судить, насколько корректно он используется для характеристики изучаемого явления. Автор берет источник и просто пересказывает его содержание безотносительно того, какое это имеет отношение к поставленной проблеме. Например, утверждая, что переселенцы на новом месте улучшали свое положение, она в качестве доказательства приводит отрывок из прошения переселенца М. Селюна в Енисейскую Казённую палату с просьбой о том, чтобы к нему разрешили поселить родственников, приехавших из Белоруссии. И делает такой вывод: «этот факт свидетельствует о многом: и о тесных родственных связях, и о достаточно успешной натурализации на месте, и о «земельной» тесноте в Белоруссии в то время, и о готовности властей Енисейской губернии решить вопросы заселения переселенческих участков» (с. 47). Чтобы судить об «успешности натурализации» переселенца, надо было привести данные о его хозяйственном положении, а не просьбу о поселении рядом с родственниками. И уж тем более факт приезда тещи Максима Селюна к своему зятю в Енисейскую губернию никакого отношения к остроте аграрного вопроса в Белоруссии не имеет.

Очевидно отсутствие у автора навыков классифицировать, систематизировать, анализировать фактический и статистический материал. Например, на с. 56 В.Ю. Александрович рассматривает тему сокращения ходачества. И приводит только два примера – крестьян Суворова и Бронько. Но на основании этих двух частных случаев нельзя говорить о сокращении ходачества как о тенденции, для этого необходимо анализировать статистический материал в динамике. Не закончив эту тему, не разобравшись с причинами сокращения, она без всякой логической связи переходит к вопросу об обратном

движении переселенцев на родину из Енисейской губернии в период столыпинской реформы. О характере связи между сокращением хо́дачества и обратными переселениями остается только гадать. Далее, не приведя ни одной цифры по численности возвращенцев, не рассмотрев ни одного документа, который хоть как-то раскрывает причины этого явления, следует заключение: «К числу основных причин обратного движения белорусских переселенцев можно отнести суровый климат, семейные обстоятельства, состояние здоровья, отсутствие свободных участков, несвоевременная агрономическая помощь, а порой её отсутствие, тоска по родине» (с. 57). То есть, главный фактор возвратного движения – хозяйственное положение возвращенцев на местах водворения – не исследовано.

В третьей главе «Белорусская диаспора Красноярского края 1920–2000-е гг.» В.Ю. Александрович утверждает: «Формирование белорусской диаспоры в Енисейской губернии – Красноярском крае относится к концу XIX в., когда начались аграрные переселения белорусских крестьян в Сибирь, и в частности, в указанный регион». Во-первых, никакого Красноярского края в конце XIX в. не было. Во-вторых, ни слова про белорусскую диаспору во второй главе, посвященной переселенческому движению в Енисейскую губернию XIX – начале XX вв., не было сказано. Откуда же она взялась? Ведь диаспора – это сообщество людей одной национальности, живущих **за пределами своей страны. Это иммигранты.** А белорусы из одной части страны переехали в другую, они – **мигранты.** Таким образом, применять понятие диаспора к белорусским переселенцам XIX – начала XX вв. не просто некорректно, а неграмотно. Но В.Ю. Александрович, тем не менее, утверждает, что белорусская диаспора в Сибири образовалась в результате **эмиграции.** Этот тезис даже вынесен на защиту (с. 22). Ни нации белорусов, ни эмиграции в Сибирь в XIX–XX вв. г. просто не могло быть. Белорусы обрели свою государственность, т.е. стали нацией только в составе СССР. Но и в составе СССР они не могли быть эмигрантами, поэтому переселенцев из Белоруссии, приезжавших в край в советский период также следует называть мигрантами.

В третьей главе автор продолжает множить ошибки. Например, утверждая, что белорусы продолжали ассимилироваться с русскими (с.76). Но ведь они и считали себя русскими до переезда в Сибирь, проживая здесь, как в дореволюционное, так и в советское время. И, как уже отмечалось выше, даже в современной Белоруссии большинство говорит на русском и читает русскую литературу, а не белорусскую.

Содержательно большая часть третьей главы имеет весьма косвенное отношение к теме исследования. В ней преобладает материал не о белорусской диаспоре, а об экономических и культурных связях Красноярского края и Белоруссии. Никакого отношения к решению поставленных в диссертации задач не имеет обширный отрывок об участии красноярцев в освобождении Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Да, красноярцы освобождали Белоруссию, но никакого отношения это к белорусской диаспоре в Красноярском крае не имело, её тогда просто не было. Непосредственно созданию белорусской диаспоры в Красноярском крае посвящено всего лишь 2 страницы (с. 95–96). Автор отмечает только сам факт ее создания и перечисляет 2–3 мероприятия, которые провели ее участники. Данные о численности участников диаспоры, их составе (этническом, социальном, профессиональном), организационной структуре, правоустанавливающих документах, характеризующих правовой статус, функции, полномочия диаспоры, ее отношения с местной властью и местным населением отсутствуют. Вместо этого приводятся сведения об отдельных деятелях культуры, якобы являющимися этническими белорусами. Но являются ли они членами диаспоры, остается не выясненным. Таким образом, если предметом исследования диссертации является белорусская диаспора в Красноярском крае, как это явствует из названия, а ей посвящено только 2 страницы текста диссертации, то вывод очевиден.

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что:

1. Тема исследования, безусловно, актуальна и заслуживает специального исследования.

2. Однако автор не четко представляет предмет исследования и вытекающие отсюда цели и задачи, поэтому большая часть работы посвящена не истории создания белорусской диаспоры и ее деятельности, а истории переселенческого движения из западнорусских земель в XIX–XX вв. и российско-белорусским культурным и экономическим связям в новейшее время. Тема диаспоры не раскрыта.

3. Автор очень слабо подготовлен к самостоятельному решению задач научного исследования, в результате чего допускает целый ряд просчетов в теории и методологии исторического исследования.

4. О слабой профессиональной подготовке автора свидетельствует и то, что в списке использованной литературы **нет ни одной** исследовательской работы по истории Енисейской губернии. За исключением монографии В.А. Степынина («Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма». Красноярск, 1962).

5. Сказанное выше не исключает, того, что в работе есть ценный конкретно-фактический материал, который при соответствующей грамотной профессиональной обработке можно использовать как основу для полноценного научного исследования.

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры современных
образовательных технологий
Сибирского федерального университета

О.М. Долидович

